Лѣтопись о Тверскомъ бульварѣ.

(Изъ записокъ о Москвѣ, составляемыхъ однимъ любителемъ отечественной Исторіи.)

1795. До 1795 года, сколько я помню, около Тверскаго бульвара не хорошо было ни ходить, ни ѣздить къ сторонѣ *Козьяго болота;* мѣстами грязь стаивала по колѣна, а индѣ, и посреди самаго сухаго лѣта, земля тряслась подъ ногами. — Валъ частію уже былъ срытъ; но оставались еще нѣкоторыя изъ его возвышеній, на которыхъ *ребятишки* угладивъ нѣсколько площадокъ, на свободѣ поигрывали въ бабки и въ свайку. На травкѣ по отлогостямъ вала индѣ привязывали къ кольямъ для покормки, изъ сосѣднихъ домовъ, и лошадей и коровъ, а индѣ, въ праздничное время, на той же травѣ сиживали группами семейства близъ живущихъ мѣщанъ, распѣвали пѣсенки, рѣзвились по-своему. — Прогули-

ваясь мимо нихъ, къ сторонѣ Тверской и Никитской, намъ нерѣдко хотѣлось бы взбѣжать на валъ. „Кстати ли это господскимъ дѣтямъ!“ говаривали наши дядьки Цимбальды, и мы привыкли пятиться отъ Тверскаго вала, какъ отъ пугала.

Намѣстникъ Московскій, *Князь Прозоровскій*, кажется, первый рѣшительно приказалъ срывать всѣ остатки древняго вала, землю его возить и сыпать на трѣсины... „Экія времена!“ говаривали бѣдныя сосѣди: „все отняли; некуда выпустить и овечки. Люби Богъ Его Сіятельство, а онъ не хорошо дѣлаетъ, что бѣдныхъ людей вздумалъ обидѣть!...“ Но Его Сіятельство, уничтожая валъ, и не помышлялъ еще о *бульварѣ*, который конечно бы назвали тогда *чортовымъ гульбищемъ*! — Впрочемъ въ
1796. то время публичное гульбище уже существовало; однакожь его учредилъ не Намѣстникъ, а Гвардейцы, въ подражаніе Невскому Петербургскому, по Москворѣцкой набережной — подъ стѣнами древняго Кремля. Тамъ они (а въ числѣ нихъ былъ и мой отецъ) думая переиначить Москву-рѣку на *манеръ* Невы, учреждали красивыя шлюпки, собирали туда музыкантовъ, пѣсенниковъ, Цыганъ; но наши Московскія красавицы не всѣ еще рѣшались прогуливаться по берегу рѣки; нѣкоторыя изъ нихъ *гуливали* только въ каретахъ, разъѣжая по широкой улицѣ, между Кремлемъ и набережной. Покататься же на шлюпкѣ, я не помню, соглашалась ли какая-нибудь изъ нашихъ красавицъ. Мнѣ это не нравилось и я неоднократно спрашивалъ у своего Гу-

вернера, старика *Ле-Ганье*: почему бы не кататься въ шлюпкахъ? — Mon cher, ça ne va pas! всегда отвѣчалъ мнѣ Гасконецъ и — мой языкъ *всегда* прильпе къ гортани.

1796. Главнокомандующій Москвою, Фельдмаршалъ Графъ Иванъ Петровичь Салтыковъ, въ домѣ котораго я только что не жилъ, а бывалъ почти ежедневно, рѣшительно озаботился устройствомъ Тверскаго бульвара. На немъ тогда уже все было очищено, усажены въ четыре ряда березки, укатана кое-какъ главная дорожка и — вотъ начались первыя гулянья по Тверскому валу. А не знаю, почему бульвара не смѣли еще называть бульваромъ! . . . Но какъ бы то ни было, а *Тверской* валъ очень скоро перебилъ лавочку у *Набережной*, которая въ особенности нашимъ дамамъ и *по сырости*, и, будто бы, *по отдаленности* какъ-то не нравилась. Даже сама моя благодѣтельница, Фельдмаршальша Графиня Дарія Петровна Салтыкова (*), замѣтивши однажды у меня легкую простуду, совѣтовала намъ остерегаться набережной — гулять только на валу. Однимъ разнощикамъ конфектъ и фруктовъ, привыкшимъ отъ *имени* тогдашней молодежи оставлять свой десертъ въ каретахъ *тогдашнихъ* красавицъ, весьма не нравился рѣшительной переходъ Московской публики съ *набережной* на *бульваръ*. На немъ раз-

---

(*) Называя Графиню *моею* благодѣтельницею, я имѣю на то все право: ибо и началомъ моей службы, и началомъ моего вступленія въ свѣтъ я былъ преимущественно обязанъ одной ей — для меня незабвенной! *Соч.*

ставливали разнощиковъ смиренно у входовъ и по бокамъ дорожки; имъ не льзя было дѣйствовать самимъ, а должно было выжидать желающихъ. Все это и тому подобное заставило даже и славнаго разнощика *Аралу* и его товарищей говорить въ слухъ: *Вотъ какое времечко! выдумали гулять по топямъ, округъ Козьяго болота!* . . . Вѣчная память Аралѣ! а мы на бульварѣ погуливаемъ. Да и когда не было, или не будетъ *Аралъ*, которые бы не толковали объ всемъ единственно въ свою пользу!

1800. Вмѣсто галлереи или бесѣдки, состроенной изъ достокъ уже около 1802 года, прежде всего на бульварѣ была разбита кондитерская палатка; въ ней торговалъ Голицинскій кондитеръ *Иванъ Федорычь*, великій мастеръ убирать всякими фигурами свадебныя столы, изъ которыхъ почти ни одинъ тогда не обходился безъ его *бланманжейныхъ попугаевъ, журавлей* и *кроликовъ*.

1803 Но вотъ наша дощатая галлерея скоро
и развалилась и въ концѣ 1803, или въ 1804
1804. году, неупомню, вдругъ появилась деревянная же, но рубленая. Въ самый Вознесеньевъ день мы гуляли по Дворцовому саду и — Фельдмаршалъ неожиданно пригласилъ насъ на бульваръ — въ новую галлерею. Экипажи были готовы и мы понеслись. Насъ освѣтили разноцвѣтные огни; встрѣтила музыка, угощеніе, даже — танцы. Я готовился къ вальсамъ, вытягивалъ перчатки; но тѣснота отъ наѣхавшихъ мало помалу едва дозволяла начать Польской. — Добрый, незабвен-

ный Фельдмаршалъ! какъ намъ тогда всѣмъ было съ нимъ весело!

Съ этаго времени гулянье на бульварѣ продолжалось постоянно. При военномъ Генералъ-Губернаторѣ Беклешевѣ оно нѣсколько-было упало. Петръ Степановичь Валуевъ открылъ новое гульбище на Прѣсненскихъ прудахъ и публика, охотница до новости, тотчасъ обратилась къ нимъ; но вдругъ явился нѣкто Князь Голицынъ (Михаилъ Васильевичь), и положилъ, въ каждую пятницу (которая и понынѣ осталась днемъ бульварнымъ) освѣщать бульваръ на свой счетъ и приглашать туда музыку. Публика опять обратилась на прежнее любимое гуль-
1812. бище; но въ 1812 году Наполеонисты, пущенные на смерть въ Москву, рѣшились вмѣстѣ съ собою умерщвлять и бульваръ, рубили его деревья, а на другихъ вѣшали безъ разбора виновныхъ и не виновныхъ. Ужасное время!
1814. Съ 1814 года, почти по совершенномъ истребленіи полчищь Наполеоновыхъ, нашъ бульваръ вмѣстѣ съ Москвою началъ возраждаться какъ фениксъ: на немъ вмѣсто березокъ появились нынѣшнія липки; обѣ стороны бульвара вдругъ украсились Англійскими дорожками, клумбами, фонтанами, цвѣтниками; родилась существующая галлерея прекрасной архитектуры и — бульваръ до сей поры все еще слыветъ однимъ
1831. изъ любимѣйшихъ гульбищь для Московитянъ (*).

(*) Самая блестящая эпоха его была въ Октябрѣ и Ноябрѣ 1831 года. Августѣйшіе Гости наши нерѣдко прогуливались на ономъ. *Изд.*